

Рукописная традиция второго массива „Анналов“ и „Историй“ Тацита

Как известно, уже в поздней античности главные исторические произведения Тацита были объединены в одно целое и, как следует из сообщения блаженного Иеронима¹, охватывали почти все первое столетие новой эры, насчитывая при этом тридцать томов, т.е. книг. Из этого обширного компендиума до нас дошли два больших фрагмента: книги I–VI в так называемой „первой медичейской“ рукописи (Laug. 68,1, IX в. — доставлена в Италию в самом начале XVI в. из монастыря Корвей в Вестфалии и опубликована в 1515 г. Филиппом Бироальдом Младшим) и книги XI–XXI, сохранные „второй медичейской“ рукописью (Laug. 68,2, XI в. — попала во Флоренцию из Монте Кассино в конце XIV в.), а также 35 (!) гуманистическими списками, датируемыми главным образом третьей четвертью XV в. Так как 21-ая книга обрывается на событиях 70-го г., вполне вероятно, что общее число книг было действительно 30. Напротив, название как самого компендиума, так и каждой из частей остается до некоторой степени проблематичным: помимо „Жизнеописания Цезарей“ бл. Иеронима надо учесть инкипиты и колофоны Med. I, дающие *Ab excessu divi Augusti*,² а также пассаж из биографии императора Тацита (275-276 гг. н.э.), где великого писателя, предка императора, называют „автором истории цезарей“³. Именно к этому пассажи восходят титулы ряда recentiores: *Cornelii Taciti Actorum diurnalium Augustae Historiae liber etc.*⁴. Установленное в 1569 г. Вертранием Мавром название „Истории“ (ему же принадлежит и отделение собственно „Историй“, ранее книги 17-21, от „Анналов“) сомнений не вызывает, так как опирается на свидетельства Плиния Младшего (*ep.* VI, 16; 20; VII, 33), Ювенала (II, 102-103), Тертуллиана (*Apol. adv. gentes*, 16) и Сидония Аполлинария (*ep.* IV, 14)⁵. Название „Анналы“ введено Беатом Ренаном в 1533 г. и поддерживается ссылками на самого Тацита (*Ann.* III,65; XIII,31 и особенно IV,32 *annales nost-*

¹ *Hieron. comm. in Zachariam III, 14: Cornelius Tacitus ... post Augustum usque ad mortem Domitiani vitas Caesarum triginta voluminibus exaravit.*

² М II в своих колофонах упоминает только имя автора.

³ *SHA 10,3: Cornelium Tacitum, scriptorem historiae Augustae, quod parentem suum eundem diceret, in omnibus bibliothecis conlocare iussit.*

⁴ См. полный перечень вариантов названий в гуманистических рукописях в издании „Историй“ Кеннета Уэлсли: *Corn. Taciti libri qui supersunt*. Т. II *Historiarum libri*, ed. K. Wellesley. Lipsiae 1989, 184.

⁵ См.: В. Модестов. Тацит и его сочинения. СПб 1864, 81 слл.

ros) и Иордана (*Get.* 13). Ряд ученых предпочитает ему, однако, титул *Med. I*, явно подражающий ливиевскому *Ab urbe condita* (Ниппердей, Г. Андресен, М. Шанц).

У первого фрагмента, т.е. *Ann.* I-VI, рукописная традиция практически отсутствует. Время и обстоятельства появления огромной лакуны, охватывающей конец VI и по начало XI книг „Анналов“, не поддаются точной датировке. Напротив, гуманистические списки второго массива и их отношение к *Med. II* стали в последние тридцать лет предметом напряженного внимания исследователей. Причина тому не только в пересмотре еще недавно господствовавшей в текстологии рутины, автоматически рассматривавшей все *recentiores* как худшие (*deteriores*), а гуманистические списки как искаженные конъектурами гуманистов.⁶ Дело скорее в том, что сам *Med. II*, несмотря на свой почтенный возраст, не внушает особого доверия: он изобилует ошибками всякого рода (зачастую удачно исправленными в лучших рукописях первой и второй групп); кроме того, он обнаруживает две значительные лакуны в первой книге „Историй“ (I, 69 — 75,2 и 86,2 — II 2,2), которые тем не менее восполнены во всех *recentiores*, что дает известные основания уже а priori предполагать для гуманистических списков независимую традицию.

Рукописи XV в. делятся на три неравные группы. 17 из них оканчиваются там же, где *Med. II*, т.е. на V, 26,2 *Flavianus in Pannonia*; 9 обрываются на V, 23,2 *potiorem* и 8 на V, 13,1 *evenerant*. Кроме того, в первой группе выделяются так называемые „генуэзские“ списки (их всего 9 = Ia), названные так по своему архетипу, *Vat.* 1958 (= V58), переписанному в Генуе в 1449 г. Джованни Андреа де Бусси, известным гуманистом, впоследствии назначенным Сикстом IV первым директором вновь открытой при нем Ватиканской библиотеки, где данная рукопись, старейший из всех имеющих дату гуманистических списков „Анналов“ и „Историй“, хранится по сей день. *Editio princeps*, выпущенное в Венеции в начале 70-ых годов XV в. Винделином де Спира (т.е. уроженцем г. Шпейер), было сделано с какой-то ныне утраченной рукописи второй группы. В основу вульгаты лег, однако, не этот текст, а вышедшее всего несколько лет спустя в Милане (?) издание Франциска Путеолана, довольно точно воспроизводящее, за исключением неизбежных конъектур издателя, V58. В 1515 г. Ф. Бероальд в своем вышеупомянутом издании привлек также и *Med. II*.⁷ Беат Ренан в 1533 г. имел в

⁶ См. G. Pasquali. *Storia della tradizione e critica del testo*. Firenze² 1954.

⁷ См. издание Г. Вальтера (G.H. Walther, Halle 1831 sqq. vol. I, XXVI sqq.)

своим распоряжением относящийся к первой группе будапештский список (*Budensis*, ныне в США, в библиотеке Йельского университета = Y01, вместе с Y02 образующий группу Ic). Знаменитый голландский филолог Юст Липсий (1547-1606), хотя и делал коллажи в Ватиканской библиотеке и в библиотеке Фарнезе во время своего путешествия в Италию и использовал коллажи других ученых, более прославился благодаря своей несравненной дивинации. *Med.* II был окончательно введен в обиход изданием Курция Пихены (Франкфурт-на Майне 1607), и с этого момента начинается его возвышение, достигшее апогея в изданиях Г. Вальтера (1831 слл. — он использовал коллацию известного итальянского филолога XVI в. Пьетро Веттори, сделанную на полях мюнхенского экземпляра издания Бероальда), Й. Орелли — Я. Байтера (Пюрих 1846), боннского профессора Ф. Риттера (1834, 1848 и 1864) и в особенности К. Хальма (1809-1882). В его компактных тейбнеровских томках (1850 слл.) разночтения гуманистических списков, еще обильно представленные у Вальтера или Руперти (Ганновер 1834 слл.), сжимаются до предела под сигналами *al.* (= *alii* „другие“) и *dett.* (= *deteriores*). В дальнейшем Г. Андресен (1913 слл.) и его преемник по тейбнеровской серии Э. Кёстерманн (1937 слл.) превращают этот узус в традицию, а в изданиях „Анналов“ цюрихского профессора Г.Х. Фукса (Фрауенфельд 1949 и 1963) он доводится почти до абсурда.

Тем временем исподволь подготавливалась „смена парадигм“ (по Куну). Не последнюю роль тут сыграло развитие фотографии, сделавшее доступными разбросанные по всей Европе гуманистические списки произведений Тацита. Уже в начале XX в. в лейденской серии *Codices Graeci et Latini* появляются великолепные воспроизведения обеих медичейских рукописей (1902, VII,1 и II). Затем в 1925 г. стипендиат Французской школы в Риме Ф. Гра попытался обосновать независимую традицию для V58. Еще более весомым оказался вклад американских ученых,⁸ от изучения йельских списков „Анналов“ и „Историй“ постепенно перешедших к исследованию прочих тацитовских *recentiores*. Ведущее место здесь, бесспорно, принадлежит Кларенсу Менделлу, чье описание рукописей и история печатного текста до недавнего времени были самыми полными и надежными⁹. Именно Менделл незадолго до начала Второй

⁸ См. их перечень в: *R. W. Ulery, Jr. The Contribution of the „Genoese“ Recentiores to the Establishment of a Text of Tacitus, Annals 11-16. Ph.D. Yale Univ. 1971, 4 ff.*

⁹ *C. W. Mendell. Tacitus. The Man and his Work, New Haven 1957, 225 ff.*

мировой войны открыл в библиотеке лейденского университета исчезнувший с конца XVII в. список Рудольфа Агриколы (1444-1485), собственноручно переписанный последним во время его пребывания в Ферраре (1475-1479). Рукопись принадлежит второй группе, т.е. относится к числу *detegiores*, но тем не менее выделяется среди всех прочих своими выдающимися по дивинации чтениями (некоторые из них через Φ . Модия стали известны уже Юсту Липсию; еще полнее использовали рукопись Агриколы ее позднейшие владельцы Николай Хейнзий и в особенности Т. Рюккий в своем издании 1687 г.).¹⁰ В своих уже послевоенных публикациях Менделл не поколебался приписать найденному *Leidensis* (= L) независимую от *Med. II* традицию¹¹. Это вызвало резкую критику — большинство ученых усматривало в чтениях L обычные гуманистические конъектуры, — но пробудило сочувствие у крупнейшего послевоенного тацитолога Эриха Кёстерманна, принявшего гипотезу американского ученого и включившего чтения L на равных с *Med. II* (далее просто M) правах в аппарат своих тейбнеровских изданий, начиная с 1960 г. Почти всеобщее негодование коллег несколько не повдвинуло на позицию Кёстерманна, которой он остался верен до конца жизни. Положительным результатом развернувшейся вокруг L и временами весьма резкой полемики были публикация в 1966 г. фототипического издания L и обнаружение штутгартского экземпляра *editio princeps* с правкой Рудольфа Агриколы, как правило, идентичной чтениям L (он принадлежал его другу, Дитриху фон Плининген).

И главное: дискуссия вокруг L пробудила интерес к тацитовским *resentiores*. Центрами их изучения становятся теперь Эдинбург и Вена, где Кеннет Уэлсли и профессор Рудольф Ханслик (известный издатель „Правил св. Бенедикта“, имеющего разветвленнейшую и весьма запутанную рукописную традицию) собрали каждый в отдельности микрофильмы всех рукописей „Анналов“ и „Историй“ и приступили к первому критическому изданию тацитовского текста; Ханслик в Вене взял на себя все книги „Анналов“ и вторую книгу „Историй“, Уэлсли в Эдинбурге обязывался подготовить остальные книги „Историй“. Последнему по неизвестным нам причинам не удалось осуществить задуманное, но он смог выпустить комментированное издание третьей

¹⁰ См. предисловие Кёстерманна к его изданию „Анналов“ (Lipsiae 1960, XII-XIII).

¹¹ См. библиографии, указанные в прим. 12, а также F. Römer. Kritischer Problem- und Forschungsbericht zur Überlieferung der taciteischen Schriften // ANRW II. 33.3, Berlin — New York 1991, 2299-1339.

книги „Историй“ (Сидней, 1972 г.) и в лейпцигской тейбнериане „Анналы“ 11-16 (1986 г.) и „Историй“ (1989 г.), причем во всех трех изданиях были приведены разночтения всех списков первой группы (тейбнеровские тома содержат также очень ценные *appendices criticae*). Р. Ханслик выполнил свой план с помощью своих диссертантов: в 1971 г. вышло подготовленное И. Шинцель издание второй книги „Историй“, в 1973 г. „Анналы“ 11-12 (Х. Вайскопф) и в 1976 г. „Анналы“ 15-16 (Ф. Рёмер). Все диссертации были опубликованы в *Beihefte* к *Wiener Studien* (NN 3, 4 и 6). Только „Анналы“ 13-14, представленные М. Дворак в виде диссертации в 1972 г., все еще ждут своей очереди. Самому Ханслику принадлежат важные предисловия к изданиям И. Шинцель и Х. Вайскопфа, в которых он отрицал независимую традицию для L, но отстаивал ее для V58 и соответственно прочих генуэзских списков. Он, однако, столкнулся с оппозицией не только в среде ученых, но и в лице своего собственного ученика Франца Рёмера, который в самостоятельно написанном предисловии к „Анналам“ 15-16 (оно содержит, кроме того, наиболее компетентное на сей день описание гуманистических рукописей) решительно высказался в пользу традиционной теории.

Смерть Р. Ханслика в 1987 г. помешала завершению венского критического издания „Анналов“ и „Историй“ (он собирался выпустить и „эдинбургские“ книги „Историй“). Его преемник, уже известный нам Франц Рёмер, успешно продолжает работу своего учителя над тацитовской библиографией¹², но вообще, насколько можно судить, центр его интересов сместился в сторону Плиния Младшего¹³. К тому же дальнейшую публикацию критического издания он считает нецелесообразной (в частном письме). Так ли это на самом деле?

Ответ на этот вопрос, как нам всегда казалось, лежит уже в самой группировке рукописей, т.е. на макроуровне текстологии. Списки второй группы содержат почти на три главы (55 строк тейбнеровского издания „Историй“) меньше, чем списки первой группы, третья группа обрывается в самом начале 13-ой главы (примерно восемь с половиной страниц до „конца“ рукописей

¹² См. его прекрасный *Forschungsbericht Tacitus // Anzeiger für die Altertumswissenschaft* 37, 3/4 (1984) 153-203, продолжение аналогичных „отчетов“ Ханслика в том же журнале (1960, т. 13, 1967, т. 20 и 1974, т. 27). Последнему принадлежит и двухтомная тацитовская библиография, опубликованная в журнале *Lustrum* 16 (1971-1972) и 17 (1973-1974): Tacitus 1939-1972.

¹³ См. его „отчет“ о Плинии Старшем и Плинии Младшем в *Anzeiger für die Altertumswissenschaft* 31, 3/4 (1978) 129-199 и 40, 3/4 (1987) 153-198 (Плиний Младший).

первой группы). Напрашивающимся объяснением этого явления будет какой-то ветхий архетип, от которого отрывались последние листки¹⁴, но который в силу своей особой ценности продолжал переписываться, пока не исчез окончательно и безвозвратно. Далее в списках третьей группы, т.е. оканчивающихся на V, 13,1 *evenerant*, имеется огромная лакуна, *hist.* IV, 15-62, из которой сохранилось два фрагмента 20,3-25,4 *illi veteres ... Vocula* и 42,3-53,4 *toleremus ... opus*, переписанные отдельно в конце списков после 13,1 *evenerant*. Мы можем восстановить постигшее древний кодекс несчастье следующим образом: от него отвалилась вся задняя часть, начиная с *hist.* IV, 15, из которой удалось спасти большой кусок в 32 главы: IV, 63 — IV, 88 + V, 1 — 13, а также два вышеупомянутых маленьких фрагмента, которые не долго думая пришили к рукописи в самом конце.¹⁵ Кроме того, среди списков третьей группы фигурирует A (= Laur. 68,4), фактически обрывающийся на *hist.* II, 69 (конец второй книги был дописан уже в XVI в. или еще позже, остальное просто отсутствует), а среди списков первой группы на этом же месте меняется писец в одной из йельских рукописей, Y03. A и Y03 до перемены руки относят к третьей группе, но на основании уже одного этого внешнего признака их можно выделить в особую, четвертую, группу. И на этом поставить точку, так как затем древний кодекс просто перестал существовать.

Эта детективная история на самом деле таковой вовсе не является. От итальянских гуманистов осталось огромное количество писем, значительная часть которых связана с их главным занятием — поисками и копированием рукописей древних авторов. Ученые давно поняли ценность этой информации, позволяющей проследить движение древних рукописей и надежней установить филиацию гуманистических списков. Все, что имеет отношение к Тациту, было опубликовано еще до первой мировой войны. Нам известно, что в бытность Бусси в Генуе, т.е. в 1449 г. (см. выше, с. 139), там находилась какая-то тацитовская

¹⁴ Здесь можно вспомнить херсфельдскую тетрадку, *quaternio* IX в., содержащую текст „Агриколы“ с 13,1 по 40,2. Сохранившая этот драгоценный фрагмент рукопись из Ези (Италия, пров. Анкона) может похвалиться еще одним раритетом — каролингским списком Диктиса Критского, у которой тоже отсутствуют начало и конец.

¹⁵ Эти фрагменты появляются в ряде рукописей группы Ib: Hol, B, L24, Z, а также U, хотя они оканчиваются V, 26 и лакуны IV, 15-62 у них нет, см. С. Mendell. *Tacitus*, 337 и R.W. Utery. *The contribution...* 28. Единственным объяснением этого факта будет то, что эти списки, хотя и флорентийского происхождения и в своих чтениях очень близкие к M, тоже возникли не без участия древнего разрушающегося кодекса. См. ниже.

рукопись, принадлежавшая видному венецианскому гуманисту, сенатору Франческо Барбаро, — или ее копия. Именно к ней возводят V58 и, стало быть, всю „генуэзскую“ семью как Улери, так и Рёмер¹⁶. К тому же Барбаро в 1453 г. обратился кардинал Бессарион с просьбой о копии с тацитовского текста, что и было сделано в том же году, как свидетельствует колофон его рукописи, попавшей впоследствии, согласно завещанию кардинала, в библиотеку Сан Марко в Венеции. Рукопись Бессариона, Ven (т.е. Venetus), относится ко второй группе, так что существует очень большая вероятность, что именно кодекс Барбаро был тем самым архетипом с отрывающимися последними листками.

В стемме Рёмера кодексу Барбаро отводится роль архетипа только групп Ia и Ic: прочие якобы восходят к списку с М Боккаччо, долгое время хранившемуся во флорентийском монастыре Санто Спирито. Отдадим должное Боккаччо как замечательному писателю и поэту на *volgare*, страстному гуманисту и другу Петрарки, наконец, как неутомимому переписчику рукописей (главным образом из-за собственной бедности!), как и этот последний. Но при всем этом выдающимся латинистом Боккаччо не был. Трудно представить себе, чтобы его копия М, сколько бы ошибок монтекассинской рукописи ему ни удалось исправить, могла сыграть роль нашего „разваливающегося“ архетипа; трудно себе представить, чтобы им вообще мог оказаться какой-либо гуманистический список! Ведь в его свите пойдут, выстроившись в три группы (II — III — IV), 18 *deteriores*, а выпавшие из него фрагменты рикошетом попадут в ряд рукописей первой группы. Ничего похожего текстология латинских авторов пока еще не знала, и пока нам не укажут хотя бы отдаленную аналогию, нам следует полагать, сообразуясь со здравым смыслом, что архетип — кодекс Барбаро — был рукописью весьма почтенного возраста.

И у нас есть редкая возможность доказать это. Среди приведенных Рёмером в его описании тацитовских рукописей (см. выше, с. 142) датировок видного английского палеографа Альбинии де ла Маре обращают на себя внимание невозможно высокие даты для V63 (II группа) и для A (IV группа) — „около 1430“. И Y03, двойник A, датируется американскими палеографами первой половиной XV в. Все это совершенно невероятно, если начало движению и постепенному разрушению кодекса Барбаро было положено V58 в 1449 г. Остается предположить, что

¹⁶ R. W. Ulery. The Contribution... 22, 35; F. Römer. Kritischer Problem- und Forschungsbericht..., 2310 (стемма) и 2318.

вышеуказанные три рукописи вообще написаны не гуманистическим книжным письмом, а весьма точно воспроизводят каролингский минускул своего оригинала¹⁷. Как видно, чем больше разрушалась эта каролингская рукопись, тем больше ценности она приобретала в глазах подлинных любителей и знатоков.

Косвенным доказательством существования каролингской рукописи „Анналов“ и „Историй“ Тацита может служить и то странное небрежение, в котором провела во Флоренции свои первые полтора столетия впоследствии столь знаменитая М, монтекассинская рукопись XI в. Она попала к Никколо Никколи, по всей вероятности, из флорентийской Чертозы (монастыря картезианцев), основанной канцлером Неаполитанского королевства (в которое входило аббатство Монте Кассино) флорентийцем Никколо Ачайоли; затем вместе с прочими книгами Никколи оказалась в созданной Козимо Медичи библиотеке монастыря св. Марка, откуда к 1571 г. перешла в Лауренциану. Ее присутствие в Сан Марко подтверждается каталогами 1500 и 1545 гг., а также коллацией Пьетро Веттори в 1542 г. Многие из стоявших рядом с ней рукописей исчезли,¹⁸ но М превратности судьбы (осада Флоренции в 1529-1530 гг. и т.д.) никак не коснулись. Повидимому, ею просто не слишком интересовались. Не случайно V63, архетип группы II, останавливается в том месте, где обрывался кодекс Барбаро (см. стемму), хотя автор этого „издания“ имел доступ к М и легко мог бы переписать сохранившуюся в последней страницу.

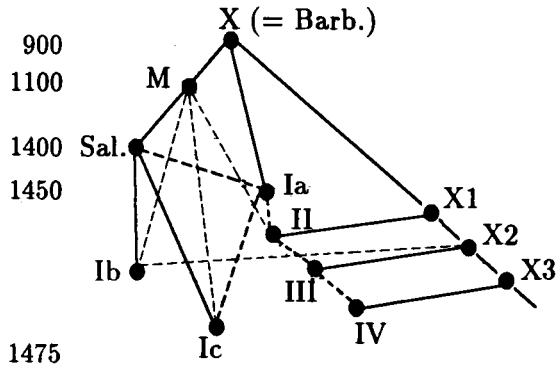
Итогом наших рассуждений будет стемма 1.

Пояснения к стемме: X — это кодекс Барбаро, переписанный в 1449 г. в Генуе Дж.А. де Бусси, а затем, по всей видимости, попавший во Флоренцию, где возникли все прочие обозначенные здесь семьи рукописей. Sal — это список с М Колуччо Салутати (1331-1406), друга Боккаччо и Никколи; эту копию *litteris antiquis*, т.е. гуманистическим письмом, упоминает Поджо Браччолини в письме к Никколи (*ep. III 15*, см. Ulery R., *op. cit.*, 21, а также во многих других работах по текстологии тацитовских рукописей).^{18a} Материал для стеммы заимствован нами главным

¹⁷ Аналогичный случай обнаружил Нисбет в одной из рукописей Цицерона, см.: *M. Tullii Ciceronis in L. Calpurnium Pisonem oratio*, ed. R. Nisbet. Oxford 1961, XXI.

¹⁸ *B.L. Ullman, Ph.A. Stadter. The Public Library of Renaissance Florence. Padova 1972 (Medioevo e Umanesimo 10)*, 100 ff.

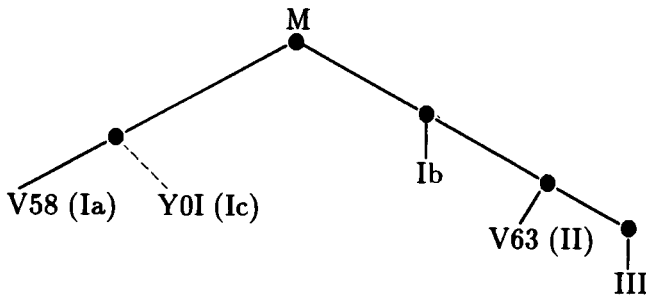
^{18a} Этот важный пассаж имеет смысл привести полностью: *misisti mihi (из Флоренции в Рим, где находился сам Поджо) librum Senecae et Cornelium Tacitum, quod est mihi gratum; at is est litteris longobardis, et maiori ex parte*

Стемма 1

образом из „Введения“ к венскому изданию „Анналов“ 15-16 Ф. Рёмера (1976). Она, разумеется, нуждается в уточнениях, но уже из этого „рабочего“ варианта должно быть видно, что архетипы всех семей представляют собой своего рода критические издания тацитовского текста разными учеными — имена их, кроме Бусси, к сожалению, нам не известны — и на разных стадиях „разваливающегося“ кодекса X.

Для сравнения предлагаем несколько упрощенную и адаптированную нами стемму Рёмера:

(• в левой части стеммы — это список Барбаро, в правой части стеммы — „разрушающийся“ кодекс — список Боккаччо).

caducis, (здесь легко угадывается M с его выцветшими страницами) quod si scissem liberassem te eo labore. Legi olim quemdam (sc. librum, codicem — А. Ч.) apud vos manens litteris antiquis, nescio Coluccine esset an alterius. Illum cupio habere vel alium, qui legi possit (специальностью Никколи была как раз переписка старых рукописей).

Сложнее обстоит дело с самим текстом. Попытка выявить отдельные чтения X затруднена тем обстоятельством, что X и M принадлежат одной и той же рукописной традиции, возможно даже, X — это непосредственный источник M, что следует уже из наличия трех транспозиций во всех тацитовских рукописях „Анналов“ и „Историй“.¹⁹ Остаются, таким образом, только непосредственные ошибки M. Но всякий раз, когда ученые приписывают то или иное чтение какого-либо гуманистического списка независимой традиции (X в нашей терминологии), их оппоненты возражают, что это конъектура.

Тем не менее в некоторых случаях это возражение не имеет силы. В *hist.* II, 77,2 Муциан, обращаясь к Веспасиану, говорит: *Immo, ut melius est, tuos exercitus rege, mihi bellum et proeliorum incerta trade* „Но все же лучше ты управляй ... войсками, мне же передай войну и неясный исход сражений“ (речь идет о походе экспедиционного корпуса в Италию на помощь паннонским и мезийским легионам, выступившим против Вителлия). Здесь обычно принимают конъектуру Кисслинга <tu> *tuos*, хотя она дает не очень хороший смысл: Муциан как бы предлагает Веспасиану командовать остающимися у него войсками. Чтение *tuos* представлено всеми рукописями, кроме V58 и B05, дающими *tu hos* с примерно тем же смыслом. Нами было высказано предположение, что этот вариант восходит к чтению *tu os* архетипа: лат. *h* перестало произноситься с незапамятных времен²⁰, сохраняясь только на письме, и итальянские гуманисты хорошо знали об этой характернейшей ошибке не всегда очень грамотных средневековых переписчиков, нередко работавших под диктовку. А в *os* можно усматривать *os = omnes*: это редкое сокращение засвидетельствовано в *Ann.* XI, 4, 3: *putate me idem dicere quod omnes* (см. предисловие Ростаньо к фототипическому изданию M II — см. выше, с. 140 — р. XV b).²¹ Чтение *omnes* дает прекрасный смысл: Муциан предлагает Веспасиану взять на себя общее руководство, как оно в действительности и имело место. В 1989 г. К. Уэлсли принял эту конъектуру в своем издании „Историй“, но в текстологическом отношении этот пассаж продолжает оставаться проблематичным. Неясны два момента: а) *tu hos* генуэзских списков могло быть конъектурой Бусси на основе *tuos* M

¹⁹ О транспозициях см.: *Tacitus. Historiarum libri*, ed. K. Wellesley. Lipsiae 1989, 184-185.

²⁰ И.М. Тронский. Историческая грамматика латинского языка. М. 1960, 55, §76.

²¹ А.В. Černjak. Quelques problèmes de critique textuelle chez Tacite // *Quaderni dell' Istituto di filologia latina*. Università di Padova 1976, N4, 111.

и б) если в X стояло *tu os*, то почему оно не оставило следа в других гуманистических списках?

Столь же спорен и другой исследованный нами пассаж, *apl.* XII, 67,1, где речь идет об отравлении Клавдия. Чтение M явно ошибочно: *infusum delectabili cibo leto venenum*. Досадная гаплоглология *cibo <bo>leto* была устранена только в XIX в. немецким филологом Е. Вурмом: „яд был впрыснут в восхитительную пищу, болет“. Гуманистические списки частично сохраняют чтение M, частично добавляют перед *leto* — *laeto* союз *et*, за исключением V58 и еще четырех гетуэзских рукописей, где неожиданно появляется искомый болет в виде *infusum delectabili cibo boletorum venenum*. На первый взгляд, Бусси просто воспользовался упоминанием болета у Светония, Марциала и Ювенала (эта скандальная история, естественно, нашла широкий отклик), тем более что глосса из Ювенала (*Iuv.* V, 147-148 *boletus ... amplius edit*), по свидетельству Улери²², присутствует на полях гетуэзских списков. Однако в самом V58, а также в B05 и G глоссы нет, т.е. она была добавлена позднее, скорее всего, в γ, архетипе так называемых „феррарских“ списков (G, E, Mal, Parm, J, B72)²³. С другой стороны, в греко-латинском глоссарии Vat. 1468, написанном в XI в. беневентским письмом, т.е. очень близком M, имеется глосса V 493,5 *boletos delectabiles*, несомненно восходящая к исследуемому нами пассажи Тацита, однако явно не к M. Может быть, источником глоссы тоже послужила каролингская рукопись X, находившаяся тогда в Монте Кассино?²⁴

И здесь возникают все те же вопросы: если это конъектура Бусси, почему она не пришла в голову другим работавшим над тацитовским текстом гуманистам? Например, такой выдающийся латинист, как Рудольф Агрикола — помимо восторженных свидетельств современников и преклонения Эразма Роттердамского, об этом красноречиво говорят чтения Лейденского

²² R. W. Ulery. The Contribution... 30 (f).

²³ Мы используем здесь сиглу Улери (Ibid. 57 ff.), а также стемму на с. 158, которой соответствует сигла Feg стеммы Рёмера. Судя по данным Улери, глосса присутствует даже в тех списках, где читается *et leto*, т.е. в E, Parm, J и B72, см. P. Corn. Taciti annalium libri XI-XII. Adn. crit. instr. H. Weiskopf. Wien 1973 (Wiener Studien Beiheft 4), 128.

²⁴ См. подробнее нашу статью „Тацит о смерти Клавдия“ (Алч. XII 67,1). История текста на примере одного пассажа // ВДИ 1981, 3, 161-168. В момент публикации этой работы в нашем распоряжении еще не было диссертации Улери, и о глоссе из Ювенала там не упоминается. Вслед за Ф. Риттером мы рассматриваем *delectabili cibo* как старую глоссу, предположительно IV в. н.э., и, соответственно, заключаем ее в квадратные скобки.

списка, — не только собственноручно переписал целую рукопись „Анналов“ и „Историй“, но и, кроме того, аннотировал венецианскую инкунабулу (этот ценный экземпляр ныне хранится в Штутгарте). Чтение <bo>leto, однако, ускользнуло от него, вероятно, по той причине, что он не имел доступа к каролингскому кодексу X. Но, как следует из нашей стеммы, по крайней мере архетипы всех групп, исключая Ic, восходят непосредственно к нему. И если их авторы не смогли воспользоваться X вслед за Бусси, то это могло быть лишь потому, что текст X в данном месте был испорчен — это объясняет ошибку M — и продолжал портиться. Вероятно, Бусси применял в таких случаях какие-то примитивные реактивы, и после него уже мало что можно было извлечь.

Таким образом, критическое издание второго массива „Анналов“ и „Историй“ должно быть продолжено. Гуманистические списки раскрыли исследователям еще далеко не все свои тайны. И нельзя при этом ограничиваться одними лишь рукописями первой группы, как это сделал Кеннет Уэлсли в своих тейбнеровских изданиях: ведь две из трех ее подгрупп, а именно Ib и Ic, возникли во Флоренции одновременно или даже позже „наихудших“ списков — групп III и IV, не говоря уже о группе II, датируемой началом 50-х гг. XV в. Филологи Кватроченто немало поработали над историческими сочинениями Тацита, и их труд должен быть вознагражден изданием, основанным на всех рукописных семьях.²⁵

А.Б. Черняк
Институт лингвистических исследований
РАН, Санкт-Петербург

The Manuscripts of Tacitus *Annales* 11-16 and *Historiae*: In Search for a Correct Affiliation

This paper begins with a general outline of the constitution of Tacitus' text as it is preserved in M (= Mediceus 11th century) and in 35 recentiores (mid- and late 15th century) from the Renaissance up to the modern period. The author expounds the refusal of R. Hanslik's

²⁵ Благодаря любезности проф. Ф. Рёмера, приславшего нам микрофильмы почти всех рукописей „Историй“ Тацита, эта работа может быть доведена до конца в Санкт-Петербурге.

pupils to set forth a critical edition of the *Historiae* (Books 1 and 3–5). Strangely enough, the independence of almost all the humanist copies of M can be easily deduced from the diminishing length of their principal groups, the first one ending at *Hist.5*, 26,2, the second at 5,23,2, the third at 5,13,1, and the fourth (*A* and *YO3*, ignored up today), at 2,69. Their real archetype, probably a Carolingian MS., last pages of which were torn off over the years, can be identified with an MS. belonging to a Venetian senator, F. Barbaro, who had no objection to lending it to his friends. Characteristic readings of Barbaro's MS. are harder to determine, since M also descends from it (see our stemma in the text), both branches being close cognates. Nevertheless, in *Ann.* 12,67,3 *cibo boleto[rum]* and *Hist.* 2, 77,2 *tuos* (*tu omnes*) *exercitus* some „Genoese“ MMS. claim a descent from the „old codex“. Thus the critical edition of the *Historiae* needs to be completed in the near future (maybe in St Petersburg).